

Генрих АСАФОВ

Народный художник очень похож на ромашку

*Когда с неудачи мне горько,
Иду на Соборную горку
Смотреть, как взлетает София,
Над древней и мудрой Россией.
Смотреть, как в собор Воскресенья
Не ходит мое население,
Но радуется стройная звонница, -
Она вологодская модница!
Слепительной молнией золота,
Преградой сверкает для холода,
Что тучи порой приносили
С собою, для теплой России.*

Каждый раз, гуляя на Соборной горке, наполняюсь приятным волшебством волнения и благоговения перед священной стариной парящей Софии с ее божественными куполами, мыслящими непременно. Их мысль через кружево крестов я ловлю, пытаюсь понять суть, удержать, пока солнце не увлекло за собой эту тайну, оставив нам уже совсем другую, не менее интересную.

Золотая луковка колокольни добродушно успокаивает меня молниеносной улыбкой, сознавая мою невозможность понять всю тайну духовного величия Софии, а стены самого кремля гостеприимными старцами зазывают смутившегося прогуляться во двор, где крона деревьев давно уже начала свое пение под могучий орган теплого ветра.

Я чувствую, как в глубине моей души небывалым цветком начинает распускаться приятное ожидание встречи с выставкой. Она там, в стене кремля.

О ней мне рассказала моя дочь. Но я не тороплюсь туда, потому как ожидание чуда для меня не менее важно и интересно, чем само чудо.

А сама стена, уставшая от многих лет жизни, дышит глубоко, спокойно, храня в своих сокровищах вековые достоинства моего северного народа. С начала ее жизни сколько же было около нее событий, сколько людей, случайных и мыслящих, видели ее щели-очи, сколько одежд и мод пережила ее вечность. Милая старина, как же она красива, как она едина с землей и небом, как успокаивает и лечит душу ее великий покой. А от сознания того, что в этой милой старине живет и дышит искусство, становится особенно любопытно и радостно.

Велика и глубока народная жизнь, но явно увидеть и почувствовать все ее тайны и особенности можем мы уже только через народное творчество, оставленное нам на разум и счастье.

А уж сама картина народной жизни неминуемо согреет нас своей теплотой, добавит умения и знания в мудреной вечности.

Все, что оставила нам старина, приятно волнует, интересует своей уникальностью, отвлекает от суеты нашего времени, воспитывая в нас настоящее чувство красоты.

Именно тот творец чудной старины и есть народный художник, радостно и трудно, каждодневно и талантливо копавший свою грядку жизни, остается в памяти веков своими творениями искусства. И чем дальше отодвигается его время, тем проникновеннее и дороже становится творчество художника.

Как богатство весенней земли украшает новая зелень и солнце, так Кремлевская стена украсилась собранием картин народной жизни, художников глубоко самобытных, где земное содержание запечатлено новой формой искусства, что необычайно важно и дорого в любом творчестве.

Не спеша и благоговейно впитывая всю прелесть картин, я чувствовал, как мое настроение поднялось на ступеньку выше, и было любопытно радостно оттого, что лестница выставочного чуда еще высока.

Где-то далеко в глубине моего существа зашевелились мое детство, моя юность. Я вновь трепетно и робко запрягаю Карего, чтобы ехать загребать конными граблями уже подсохшую кошенину.

Снова вижу яркие наряды сенокосниц, по движению черенка граблей я легко узнавал свою мать. Я вспомнил отца, учившего меня косить в 12 лет: "Косу держи выше, носочек приподымай, а пяточкой, пяточкой жми и посмелее, и посильнее, да не торопись и не машишь, а гладь травку сочную, прижимай пяточкой!"

Царство им небесное, и пусть земля будет им пухом.

А вот я уже на болоте, где сочная золотистая морошка растекается между пальцами руки, в моей корзинке ее до жути мало, увидел вдруг уползающую в кочку красавицу змею, но холодок страха быстро увлекла красавица нить Евдокии Пановой, чей "сенокос" окончательно наполнил душу милым сердцу временем.

Именно в июле я каждый год продолжаю косить запустения около дачи. Мой сенокос укрепляет дух, укрепляет руки, шепчет форму новых картин.

●Окончание на 3-й стр.

Родная земля! Сколько же в ней гениальных тайн, сколько же в ней вместились тревог и забот о нас, живущих на ней, порой еле-еле вспоминающих о ее существовании.

Сколько в ней доброты, непосредственности и детской наивности, что глубокими тайными ручейками питают ее необъятную мудрость.

И я уже вижу, как тот крепыш, наслушавшись тонкого пения косы, придя в избу отдохнуть и увидя как бы невзначай свою родную русскую печь совершенно белой, вдруг берет саmodelьную кисточку, краску и рисует свою непосредственность, просто, как ребенок, а душа, обрадованная вниманием, поет и просит работы и мысли.

И вот уже дети, слезая с печи, еще сонными глазенками, еле различают яркие пятна печной росписи, где бычки и коровки сказочной наивности и прелести бодают теплый воздух, пережевывая до боли знакомый и родной одувачник.

Детям тоже хочется помазать, они уверены в своем желании, потому как видели этих коровок в поле и даже две таких у них во дворе. В одной девочке я узнаю Нуйю. Да, это она вспоминает откуда растут рога и как размашист коровий хвост, когда паузы особенно назойливы.

Народный художник очень похож на ромашку, где богатая золотая середина посылает в белые лепестки свои чувства к свежему воздуху, к соседним цветам, далее в небо и в нас, наблюдающих эту ромашку. И клевера краснеют, наполняясь соком, именно от дыхания необъятного ромашкового поля, которое увековечил природный самородок Георгий Попов.

Я уже не смогу удержать в себе особое чувство благодарности художнику, а спешу сравнить его талант с лугами, переполненными красотой и ароматом цветов - наших северных радостей и надежд. Собрание талантливейших художников напоминает мне лесное собрание, где каждое дерево поет по-своему значимо и необходимо, а вместе создается та необъяснимая симфония леса, в которой мы возвышаемся, глубоко дышим, крепнем здоровьем, заряжаемся духовно, проникаемся любовью ко всему живому.

Такие выставки нам необходимы, как лесные полосы в засуху или ветродуи и прочие земные волнения.

Художник, чувствующий под собой родную землю, впитавший в себя ее глубочайший колорит, слившийся с ее чаением, обязательно будет красив и оригинален формой, и тогда самая красивая и неожиданная форма и расскажет нам о самом красивом и земном содержании, что и являет собой новое произведение искусства, небывалое и так необходимое для дальнейшего шага вперед по тропам творчества.

Боюсь, что именно истоки самого народного творчества, названного успешно "примитивизмом", и есть вершина изобразительного стога искусства, ибо именно там естественная земная жизнь переплелась кружевом с непосредственностью самой природы, с наивом чистоты детской души, с каждодневным трудом Крестьянина, что и является

основой его творческих волнений. И самая, казалось бы, "несуразная" форма "примитивизма" обязательно интересна работающему уму и таланту, потому как она будоражит воображение, опускает на землю, даже может заставить на ней поработать, что есть не менее прекрасно, чем искусство.

Именно каждодневный крестьянский труд (от чего наглухо отвернулись камни городов) питал здоровое воображение крепкого тела, трудовая

та и мысли. Она всегда дышит, творит, и ее творческое движение неуловимо богато, как вся Вселенная. Все чудеса красоты и таланта рождает земля, ее плодородный слой великодушно питает наши чары. И только сонные и слабые существа не видят, не слышат, не знают о существовании радужной красоты в "темном" цвете земли, никогда не задумываются о ее тревоге и грусти в запустелых и покореженных местах ее содержания.

Наши публикации **Генрих АСАФОВ**

Народный художник очень похож на ромашку

Вологодский художник Генрих Асафов... Он написал свои заметки как отклик на работающую в музее-заповеднике выставку "Художественный примитив", на которой можно было заново открыть для себя картины С.Лаврентьева, Г.Попова, Т.Нуйи, В.Сивцова и самого автора заметок. Вчитайтесь в них, и вам откроется то особое видение, каким Создатель награждает художников и творцов. Стоит помнить при этом, что художниками не могут быть все, а вот творчество может быть всеобщим делом.

усталость в нем отвлекала художника - мужика от хитроумных сплетений "прогресса" времен.

Творец, утопая в своих земных заботах, оставался наивен и чист, что не мешало ему через разного рода хлопоты вокруг собственной полосы жизни становиться мудрым и всезнающим в житейском мире.

А быть мудрым есть обязательное условие творца!

"Примитив" - звучит не слишком мудро, но нужно суметь понять его смысл и значение, прежде чем ухмыляться.

В основе этого яркого явления искусства лежит сама живая плоть земли.

Казалось бы, ну что может быть проще земли, по которой мы ходим, порой абсолютно не вникая в ее "глубину".

Но одно то, что земля - кормилица! - это уже говорит обо всем.

Ну а для мыслящего художника земля - это еще и бесконечность цве-

И только крестьянин всем содержанием своей жизни верен и глубоко признателен кормилице, именно он знает ей цену, потому как каждый Божий день чувствует и слышит ее дыхание, с ней беседует, обожествляет, ей молится, на ней трудится и ее рисует.

Рисует всей полнотой своей земной души, всей глубиной своего большого сердца.

Вот почему его творчество есть точка отсчета всех искусств, есть самое изначальное и любопытное, вот почему для меня творчество народа-крестьянина превышает всего, и я всеми своими "фибрами" и "жабрами" готов принять и понять великую суть народного сказания.

И я очень рад, что моя большая школа в искусстве не сумела потопить в суеде жизни моей бесконечной любви к крестьянскому быту - творчеству.

Ловлю себя на том, что важно все! Вот вам и "примитив!"

Именно потому мне бесконечно приятно выставиться с нашими народными художниками, где я давно выследил их крестьянский гений и с высоты своего "академизма" исподволь и радостно спускаюсь на их "лавочку".

Я не верю в чистоту и искренность "художников" от политики, когда в картинах пожары и кровь.

Ничего подобного вы не увидите и не почувствуете в росписи прялки или сундука невесты, потому как "примитив" крестьянина-художника совершенно чист и по-детски наивен, и ничто не сравнится с его уникальной формой.

А для людей, чувствующих прелесть земной жизни, все эти прялки, кораба и сундуки, ступы и туюски, жернова и косы, лапти и дровни, упряжка и дуги, сама изба и двор ее, плетень и колодец есть не что иное, как чудо здоровой жизни, так важной и необходимой всей физиологии человека.

Для меня все народное творчество всегда свежо, оно так глубоко западает в душу и достает из нее мною не освоенное, подымает и несет своим трепетом в высшую жизнь этого мира, потому как, расписывая дверцу шкафа, художник пел душой песню самой природы, гениальнее которой ничего нет. Нет и быть не может.

И уж, конечно, не случайно такой академик, как Илья Ефимович Репин, в конце жизни сделал робкую попытку окунуться в цвет детства, ибо понял счастье наива и святость непосредственности.

Вот почему нам бесконечно интересен и дорог Казимир Малевич своей крестьянской серией, где его космическая философия органично переплелась с земным крестьянским трудом.

Вот почему такой величайший из гениев живописи, как Матисс, докапывается до "детства" живописи, радуется своим находкам, умиленно высветывая в непосредственном пятне весь цветной мир жизни своей.

Я ухожу с выставки. Мои душевные ведра наполнены.

И вот уже шалаяпинское пение кремлевских деревьев окутывает мои раздвоя в теплое одеяло музыки, сквозь которую маленькими молоточками выстукивается огромная благодарность организаторам такой удивительной экспозиции.

И вот уже вновь Софья своей легкой громадой напоминает о вечности искусства. Хочется жить, чтоб творить! Золотая молния звонницы зовет к высоте творчества.

*С минуты той, как понял я
Значенье родины в судьбе,
Тебе, родимая земля!
Несу признание, тебе!
Святое пение лесов,
Печаль родных полей,
Собрание птичьих голосов -
Все гармонично в ней.
Под небесами томный вид
Знакомых деревьев.
О прошлой жизни говорит
Талантливый плетень.
Непостижимые цвета,
Глубокий колорит,
Вбирает тихая мечта
И каждый день творит.*

На фото: картина Г.АСАФОВА
"Русские женщины".